

Секта Юйцин, Пик Цинъинь.

Стояла глубокая осень. Склоны пика пестрели всеми оттенками увядающей листвы, где золото и алый цвет переплетались с темной зеленью.

Здесь находилось место уединенного созерцания для учеников внутреннего круга, куда посторонние забредали крайне редко, отчего вокруг царил особая, звенящая тишина.

Уединенный маленький дворик на задней горе.

— Скрип... —

Дверь двора с размаху распахнулась наружу, ударившись о косяк с довольно громким стуком.

Словно небольшой вихрь, вовнутрь ворвалась фигура.

Это была девушка лет восемнадцати-девятнадцати, облаченная в одинаковые для учеников внутреннего круга Секты Юйцин лунно-белые одежды, а несколько выбившихся прядей волос прилипли от пота к щекам.

Она бережно прижимала к себе масляный бумажный сверток, а на ее лице сияла ослепительная, до рези в глазах улыбка.

— Цзян Ханьюй! Быстрее глянь! Посмотри, что я купила! —

Выкрикнув это, она не сбавляя шага бросилась в комнату.

На кровати у окна, скрестив ноги, сидела другая девушка. Ее глаза были слегка прикрыты, а вокруг тела циркулировала духовная энергия.

На ней была такая же ученическая одежда, но темперамент девушек разительно отличался.

Черты лица первой были тоньше, но сама она казалась куда более сдержанной и спокойной.

Услышав оклик, она медленно выдохнула мутный воздух, ее длинные ресницы слегка затрепетали, и она открыла глаза.

В этих глазах отразилась резвящаяся фигура вошедшей.

— Сяояо? — раздался тихий голос Цзян Ханьюй, и ее взгляд упал на масляный сверток. — Что

ты купила?

— Тц-тц-тц-тц! — Цинь Сяояо, словно преподнося сокровище, положила сверток на маленький столик и в два счета развернула его. От содержимого сразу же поплыл густой аромат горячего мяса и пряностей.

На масляной бумаге легла аппетитная, лоснящаяся от жира жареная утка с кожицей янтарного цвета.

— Утка из лавки Ван у подножия горы! Только из печи, я бежала сюда всю дорогу, она еще горячая!

Цинь Сяояо гордо задрала подбородок, а затем лихо завалилась набок, беззастенчиво устроившись рядом с Цзян Ханьюй и заняв добрую половину узкой кровати.

Она болтала тонкими ногами, вышитые туфельки покачивались в воздухе, а сама она продолжала жаловаться:

— Умереть можно от этой тоски, в сектантских столовых в последние дни одна пустая баланда, во рту уже пресно, как трава!

Говоря это, она уже оторвала лоснящуюся утиную ножку и без лишних слов сунула ее в руку Цзян Ханьюй.

— Попробуй скорее! Очень вкусно! Я отстояла такую огромную очередь!

Цзян Ханьюй посмотрела на жареную утку, а затем на Цинь Сяояо, которая совершенно растеряла все манеры.

Ее брови едва заметно нахмурились — вовсе не от раздражения, а скорее от какого-то... мягкого чувства, в котором смешались тревога и беспомощность.

— Разве Наставница не издала строгий запрет, наказав тебе полмесяца не спускаться с горы?
— тихо спросила она, и в ее тоне не было ни упрека, ни злости.

— Ой, да правила для мертвых, а люди живые!

Цинь Сяояо скривила губы, повернулась набок, подперев голову рукой, и принялась хлопать ресницами, глядя на Цзян Ханьюй.

— В сектантской глуши так скучно! Только и делаешь, что культивируешь, кроме культивации

вообще ничего нет.

Я же сбежала всего на миг, купить утку, и сразу вернулась, ничего же страшного не натворила!

Она придвинулась ближе, понизив голос и добавив в интонацию нотки каприза и лукавства.

— Только попробуй меня заложить□

Цзян Ханьюй смотрела на ее лицо, оказавшееся так близко, раздумавшееся от бега и возбуждения.

На солнце были отчетливо видны тончайшие пушковые волоски на ее щеках.

— ...И не думала. — Она отвела взгляд, но ее уши слегка и незаметно покраснели.

Цинь Сяояо тут же расплылась в улыбке и, пользуясь моментом, шутливо толкнула ее локтем.

— Вот именно! Наша Сяо-Юй самая лучшая! Ах да, между прочим, это всё из-за твоего недавнего маленького промаха.

Из-за тебя меня поймала Наставница, и мне досталось такое же наказание и домашний арест, так что ты обязана нести ответственность!

Цзян Ханьюй слегка покачала головой, и на ее губах наконец появилась легкая улыбка.

— Вообще-то, ты сама опять поленилась и спихнула на меня переписывание Заклинания Очищения Сердца, порученное Наставницей. Тебя наказали только после того, как это вскрылось.

— Ой, да брось ты эти мелочи! — Цинь Сяояо махнула рукой, ничуть не смутившись, снова растянулась на кровати и уставилась на старинные потолочные балки.

Ее взгляд слегка расфокусировался, но уголки губ по-прежнему были приподняты.

— Ну и ладно, горе делить пополам, значит, и утку едим вместе!

С момента ее попадания в этот мир прошло ровно десять лет.

Глядя на едва заметную паутину под балками, Цинь Сяояо испытывала легкое головокружение

от происходящего.

Десять лет — срок достаточный, чтобы ребенок превратился в подростка, а чужеродная душа полностью сроднилась с этим телом и освоилась в мире, именуемом миром бессмертных.

В прошлой жизни она была обыкновенной студенткой, которая обожала читать романы и предаваться фантазиям.

И вот однажды, стоило ей открыть глаза, как она оказалась брошенной сироткой, которую случайно подобрала секта.

Не успела она до конца осознать сам факт перемещения, как на нее обрушилось еще более шокирующее открытие.

Окружающая обстановка, имена людей и названия сект, которые постепенно всплывали в ее памяти, поразительно совпадали с событиями мрачного веб-романоза Путь Бессмертия, Разящего Мир, прочитанного ею незадолго до попадания в этот мир!

И была в той книге одна женская роль — героиня, которая в самом конце по трупам и рекам крови взошла на самую вершину демонического пути. Звали ее Цзян Ханьюй.

Детство книжной Цзян Ханьюй было исполнено боли и лишений, она извела презрение и предательство этого мира, да и в Секте Юйцин над ней всячески измывались.

В конце концов, доведенная до отчаяния, она погрузилась во тьму, обрела невероятное наследие, истребила всю секту до последнего человека, омыла кровью праведный путь и стала тем самым ужасающим Владыкой Демонов Девяти Преицидных, от одного имени которого кровь стыла в жилах.

Настоящим, чистокровным злодеем вселенского масштаба.

Правда, концовку той истории она дочитать не успела, но, должно быть, в финале та злодейка проиграла какому-нибудь другому герою света?

Хе-хе~ Впрочем, какая разница~

Она прочла столько романов, разве это не классический сценарий спасения главной героини (и пригревания могущественного покровителя под боком)?!

К тому же она появилась здесь рано, пока еще ничего не произошло!

Поэтому, руководствуясь смутными подсказками из книги, она действительно отыскала ее в трущобах нищих в каком-то полуразрушенном городке.

Тощую, одетую в лохмотья, покрытую синяками девочку, чей взгляд был полон настороженности и леденящего холода, словно у раненого зверька — это и была Цзян Ханьюй.

Тогда Цзян Ханьюй было всего лет восемь-девять, она выглядела даже жалостнее, чем в описании оригинала, и почти умирала от холода и голода.

Цинь Сяояо прибегла к маленькой хитрости: притворившись такой же беспризорницей, она постепенно сблизилась с ней и стала о ней заботиться.

Она вставала на ее защиту, когда другие бродяги обижали девочку, хотя в те моменты сама тряслась от страха.

Используя свое преимущество человека, знающего будущее, она якобы совершенно случайно помогала Цзян Ханьюй находить возможности для улучшения своего положения.

Конечно же, те возможности, которые могли толкнуть девочку на путь тьмы, она заблаговременно прятала.

Шли годы, и тот мрачный, ошетинившийся иглами уличный заморыш постепенно подрос.

Хотя Цзян Ханьюй все так же оставалась немногословной и холодной нравом, в присутствии Цинь Сяояо она становилась намного мягче.

Она охотно принимала все те вкусняшки и безделушки, что та ей приносила.

Обеих девушек отобрали в кандидатки в святые.

Судя по мнению окружающих, святая Цинь и святая Цзян уже давно стали прекрасной легендой внутри секты.

За десять лет бок о бок все эти расчеты и изначальные цели незаметно для нее самой растворились в море подлинной заботы и тепла.

Она действительно полюбила Цзян Ханьюй, сделав ее самым важным человеком для себя в этом чужом мире.

Прямо как сейчас: глядя на то, как Цзян Ханьюй чинно уплетает жареную утку, Цинь Сяояо ощущала, как ее сердце тает от умиления, наполняясь гордостью, словно у любящей матери.

Посмотрите только, как хорошо ей теперь живется~

Есть еда, есть одежда, есть тот, кто защитит, и можно спокойно постигать боевые искусства.

Хотя ее характер все еще остается слегка прохладным, с ней она уже совсем другая.

Все те ужасные испытания были стерты из ее судьбы, а будущее падение во тьму наверняка изменилось навсегда!

— О чем задумалась? — Цзян Ханьюй доела утиную ножку и чистым платком тщательно вытерла пальцы и уголки рта.

Стоило ей повернуть голову, как она увидела Цинь Сяояо, которая смотрела на нее отсутствующим взглядом, глуповато улыбаясь.

— А? Ни о чем! — Цинь Сяояо очнулась, хихикнула и, оторвав еще один кусочек утиной грудки, протянула ей.

— Просто подумала, что вид нашей Сяо-Юй во время еды просто прелестен.

Это была чистая правда: будущий Владыка Демонов Девяти Преисподних сейчас была всего лишь юной, ослепительно прекрасной девушкой.

Уши Цзян Ханьюй едва заметно порозовели, она опустила ресницы, приняла мясо, но есть не стала, а вместо этого тихо спросила:

— В следующий раз... больше так не делай. Если старейшины узнают, наказание продлят.

— Знаю-знаю! — поспешно заверила ее Цинь Сяояо, продолжая покачивать ногами. — Сяо-Юй, ты так обо мне беспокоишься?

— ...Мм. — Едва слышный ответ.

Цинь Сяояо улыбнулась еще шире, и остатки былой тревоги из-за тайной вылазки с горы окончательно испарились.

Оно того стоило! Ради этого глухого «мм» стоило просидеть под домашним арестом еще полмесяца!

За окном осеннее полуденное солнце сияло во всю силу, тепло заливая двух сидевших рядом на кровати девушек, и их тени вытянулись и сплелись воедино.

Казалось, это теплое мгновение замерло на века.

Цинь Сяояо с наслаждением откусила большой кусок утиного мяса и подумала, прищурившись:

— Если бы так продолжалось вечно... было бы просто замечательно.

Спасение мира... разве не достаточно начать с того, чтобы спасти тебя?

Она и не подозревала, что когда глубокий взгляд сидевшей рядом девушки скользнет по ее улыбающемуся лицу, в нем промелькнет скрытая и мрачная тень, совсем не подходящая ее возрасту.

Только вот в тот момент этот взгляд был надежно спрятан, и Цинь Сяояо, полностью поглощенная триумфом воспитателя, не заметила ничего.

<http://bllate.org/book/19487/1910260>